

Чай Цзыжань был тем, кто запоминал побои, но не обиды. С детства его лупили несчётное количество раз, но каждый раз он лишь ревел, не прося позвать лекаря. Однако на сей раз он вдруг возопил о враче. Великая старшая принцесса призадумалась: уж не слишком ли сильно он разозлил Ацзюня на этот раз, что тот вышел из себя? Снизойдя, она присела на корточки и закатала ему штанину. На белой коже его ноги синяки и ссадины, следы от плети и розог перемешались воедино. Одни уже почти зажили, другие были свежими. Она поспешно подняла голову и велела Линцяо позвать придворного лекаря.

Чай Цзыжань, утирая слёзы, смущённо опустил штанину и достал из-за пазухи маленький белый флакончик.

— Ничего, ничего! — с улыбкой сказал он. — Я помазался, скоро заживёт. Не надо беспокоить лекаря, не надо.

Великая старшая принцесса, стиснув зубы, спросила:

— Кто это тебя так отделал?

Чай Цзыжань продолжал ухмыляться, но не отвечал. Однако, опасаясь, что принцесса будет допытываться, он украдкой глянул на стоявшее рядом персиковое дерево, уголок рта дрогнул в усмешке, а повернувшись к Великой старшей принцессе, вновь принял вид страдальца, снедаемого обидой, которой некому высказать.

— Мо Цзюцзюнь лупит больше всех, — выпалил он и тут же, словно спохватившись, что проговорился, прикрыл лицо руками. — Нет-нет-нет-нет! Это я сам упал, к Мо Цзюцзюню никакого отношения не имеет. То есть... к господину Цзюцзюню не имеет!

Великая старшая принцесса, посерев от гнева, взглянула за спину Чай Цзыжаня:

— Ацзюнь! Как ты мог так избивать? Ажань вырос с тобой, он тебе как брат. Это уже слишком!

Чай Цзыжань, белый как мел, обернулся, но, не успев встретиться взглядом с Мо Цзюцзюнем, чьи глаза были чёрными и бездонными, юрко свернул за спину принцессы с воплем:

— Великая старшая принцесса, спа-си-те ме-ня!

Принцесса, не ведая, что Чай Цзыжань оклеветал человека и был пойман на месте, решила, что тот просто боится, как бы Ацзюнь в ярости не прибил его снова. В гневе она указала на одетого в чёрное Мо Цзюцзюня:

— А-цзюнь! Ты меня разочаровал.

Холодные зрачки Мо Цзюцзюня чуть сузились. Для Чай Цзыжаня это был грозный знак. Он в страхе отступил на шаг, движимый высоким принципом «главное — уцелеть, а потом разберёмся», и вознамерился смотаться домой, собрать узелок и переждать пару дней в деревне. Но Мо Цзюцзюнь оказался проворнее: могучая длань впиалась ему в плечо, не оставляя ни малейшей возможности пошевелиться. Оставалось лишь жалобно смотреть на Великую старшую принцессу, безмолвно взывая о помощи.

Но безмолвие порою красноречивее крика.

Великая старшая принцесса всегда считала сына рассудительным, но, видимо, при виде Чай Цзыжаня тот терял голову. Не успев его остановить, она увидела, как сын прижал Чай

Цзыжаня к земле, словно щенка, и, присев на корточки, всей тяжестью навалился на него, не давая пошевелинуться.

Чай Цзыжань, белый как полотно, прикусил нижнюю губу и, глядя на Мо Цюцзюня, изрёк с видом целомудренного страдальца:

— Делай что хочешь! Я не покорюсь.

С этими словами он раскинул руки, закрыл глаза, и, если не считать красноты на щеках, выглядел вполне себе мирно почивающим красавцем.

Мо Цюцзюнь, глядя на его щенячий вид, сглотнул и быстро отвел взгляд. Его рука, прижимавшая Чай Цзыжаня, надавила ещё сильнее, и он принялся стаскивать с того штаны.

Великая старшая принцесса не выдержала:

— Ацзюнь! Остановись! Какой позор при свете дня!

Рука Мо Цюцзюня, стаскивавшая штаны, замерла. Чай Цзыжань, притворявшийся мёртвым, вдруг распахнул глаза, полные слёз:

— Великая старшая принцесса, вы не ведаете! При свете дня он со мной ничего не сделает, только штаны снимет, чтобы опозорить. Но вот ночью... у-у-у-у...

Лицо Мо Цюцзюня, и без того холодное, почернело окончательно.

— Заткнись! — прогремел он.

Чай Цзыжань не посмел больше пикнуть и лишь тихо всхлипывал.

Мо Цюцзюня так и подмывало вмазать ему, но, взглянув на распухшие щёки, он сдержался и выхватил из руки Чай Цзыжаня маленький белый флакон.

Чай Цзыжань взревел:

— Что ты делаешь?! Это мазь из снежного лотоса, которую мне сестра дала! Её из ста цветков снежного лотоса с Тянь-Шаня выварили в ста чашках воды, потом эту воду полгода на лунном свете выпаривали, пока не осталась одна чашка, и, наконец, сам знаменитый лекарь Бай Хэн собственноручно изготовил этот пузырёк! Не смей забирать!

Мо Цюцзюню даже нюхать не надо было — он и так знал, что это обычная дешёвая мазь от ушибов, что на каждом углу продаётся. Но, видя, как Чай Цзыжань боится её потерять, он сунул флакончик себе за пояс.

Чай Цзыжань заорал:

— Грабитель! Хулиган! Мерзавец! Верни!

Великая старшая принцесса снова вступилась:

— Ацзюнь, перестань уже обижать Ажания.

Мо Цюцзюнь поднял на неё взгляд. Её ухоженная белая кожа уже тронута временем, в уголках глаз залегла сеточка морщинок, но сами глаза по-прежнему ясны и светлы. В золотой

диадеме и пурпурном парчовом платье она выглядела величаво, но во взгляде её читалась искренняя забота.

Рука Мо Цюцзюня замерла. Он поднял Чай Цзыжана с земли, взял у стражи белую пилюлю и вложил тому в рот. Затем вновь стянул с него штаны и тщательно намазал мазью все раны на ногах — и старые, и новые.

Закончив с ногами, Мо Цюцзюнь поднял Чай Цзыжана, как щенка, и намазал мазь ему на лицо. Леденистая субстанция мгновенно впиталась, и лёгкий аромат снежного лотоса обволок Чай Цзыжана.

Великая старшая принцесса улыбнулась:

— Вот и славно, вот и славно! Ацзюнь...

Не дав ей договорить, Мо Цюцзюнь швырнул Чай Цзыжана в сторону и первым зашагал прочь. С момента появления и до ухода он не проронил матери ни слова. Чай Цзыжань, глядя на потухший взгляд принцессы, почувствовал, как в груди у него закипает ярость. Может, от той неизвестной мази, но силы вернулись мгновенно. В два прыжка он нагнал Мо Цюцзюня и ухватился за его широкий чёрный рукав:

— Как ты можешь так с матерью обращаться? Она же больше всех на свете о тебе заботится!

Мо Цюцзюнь остановился, сначала мрачно глянул на Чай Цзыжана, потом — на Великую старшую принцессу. Его холодный взгляд был словно нетающий лёд:

— Тебе какое дело?

Рука Чай Цзыжана, державшая рукав, медленно соскользнула с шёлковой ткани. Опустив руки по швам, он не знал, куда их теперь деть.

Мо Цюцзюнь добил:

— Собака на сене.

Чай Цзыжана прозывали Псом Чаем, так что в какой-то мере он и вправду был псом. Он тут же лениво заложил бесцельно опущенные руки за спину и расплылся в улыбке, тёплой, как мартовский ветерок:

— Собакой назвал? Ха-ха, и верно, я и есть пёс!

С этими словами он схватил руку Мо Цюцзюня и впился в неё зубами. Кость под смуглой кожей была твёрдой, как собачья. Чай Цзыжань долго возился, прежде чем наконец отпустил её и, хихикая, промолвил:

— Ой-ой, собачья кость слишком крепка, не разгрызть!

Великая старшая принцесса, видя, что оба ведут себя странно, смотрела на них в тревоге. Хотела помочь сыну, но боялась, что он отвергнет её помощь. Пока она металась, Чай Цзыжань уже принял из рук стража Мо Цюцзюня, Суй Фэна, маленький чёрный флакончик, который на солнце переливался, словно усыпанный звёздами. Он взял руку Мо Цюцзюня и стал тщательно наносить на неё мазь с ароматом снежного лотоса, кривя губы в плутовской усмешке:

— Прости.

Мо Цзюцзюнь, которого Чай Цзыжань только что грыз, как кость, оставался бесстрастным, словно эта рука была не его. Теперь же, когда Чай Цзыжань сосредоточенно возился с его раной, лицо его дрогнуло — лишь на мгновение, лишь тенью в глубине чёрных глаз.

Великая старшая принцесса спросила:

— Ацзюнь, больно?

Мо Цзюцзюнь лишь смотрел на Чай Цзыжаня, не говоря ни слова. Тот, улыбаясь, поспешил замазать неловкость:

— Молчание господина Цзюцзюня означает, что не больно.

Мо Цзюцзюнь:

— Больно.

Чай Цзыжань:

— ...

Великая старшая принцесса, глядя на руку сына, забеспокоилась:

— Что же теперь делать?

<http://bllate.org/book/15931/1423818>